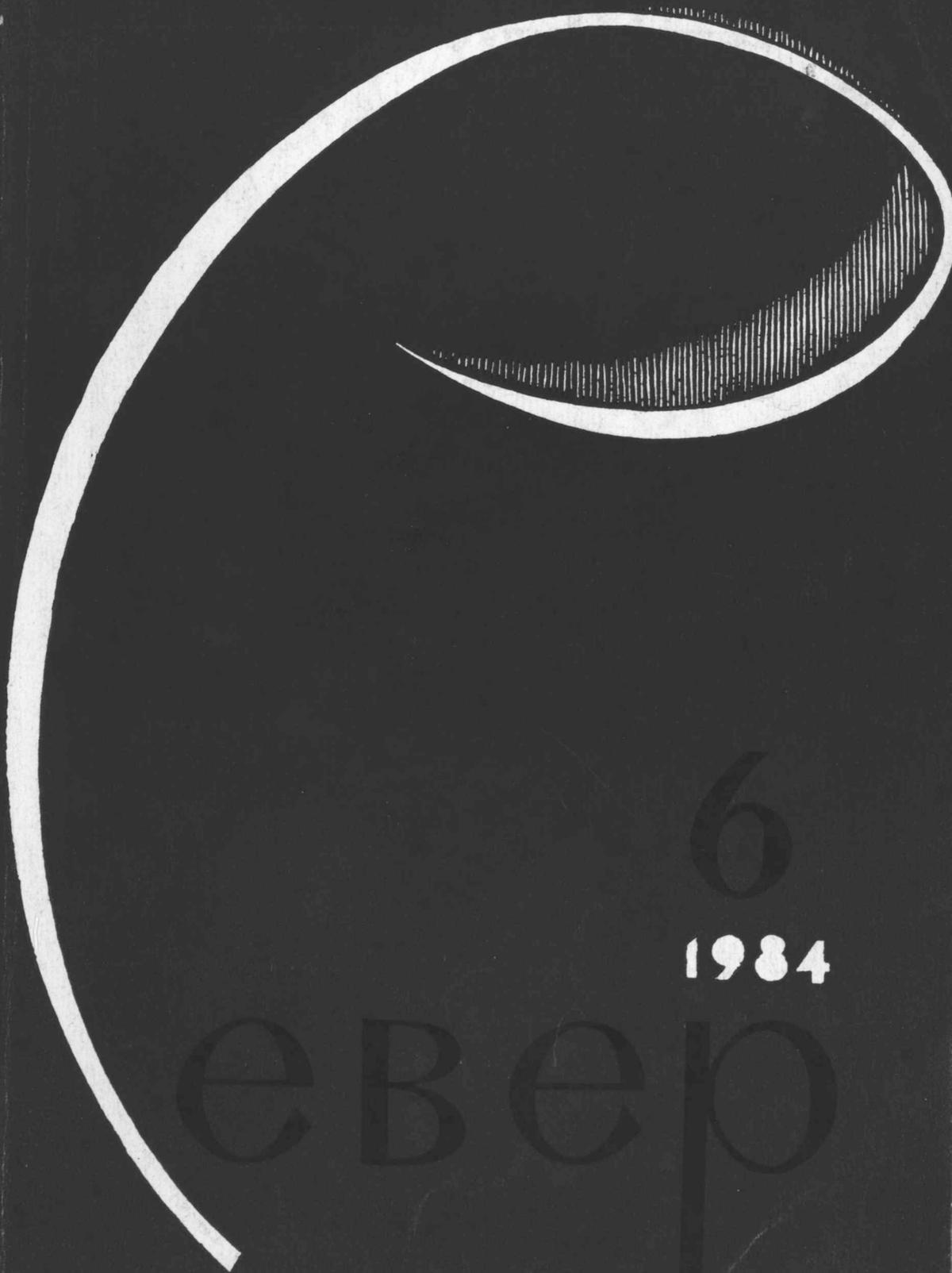

ISSN 0131-6222

6
1984

еВеею

Эйно КАРХУ

Эйно Генрихович КАРХУ родился в 1923 году в Ленинградской области. Автор восьми книг и многочисленных статей по истории финской литературы, финско-русским литературным связям, литературе Советской Карелии. Доктор филологических наук. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии КАССР. Живет в Петрозаводске.

М. А. ШОЛОХОВ В ФИНЛЯНДИИ

В 1935 ГОДУ, проездом в скандинавские страны, М. А. Шолохов впервые посетил Финляндию, где он потом, уже после второй мировой войны, бывал неоднократно.

В 1938 году в двух номерах еженедельника «Туленкантаят» («Пламеносцы», № 9—10) были напечатаны отрывки из «Поднятой целины» с сообщением редакции, что финский перевод первой части шолоховского романа вскоре появится отдельной книгой. Книга вышла в том же году в левом издательстве «Кирьяйлияйн кустануслийке». Так началось знакомство финских читателей с творчеством Шолохова.

Время тогда было особое, не очень благоприятное для пропаганды советской литературы за рубежом. Здесь уместно кратко охарактеризовать тогдашнюю общественно-литературную ситуацию в Финляндии, чрезвычайно обострившуюся в связи с наступлением ультраправых сил, влиявших также на культурную политику. В целях противодействия реакции встал вопрос о создании левого культурного фронта. В 1936 году возникло объединение «Кийла» («Клин»), с которым связаны и деятельность упомянутого левого издательства, и выход двух журналов: марксистского по своему направлению «Кирьяллисуслехти» («Литературный журнал», 1932—1938 гг.) и общедемократического «Туленкантаят» (1933—1939 гг.). По многим вопросам журналы поддерживали друг друга, члены «Кийла» печатались в обоих изданиях. Идеино-литературная программа, с которой выступило объединение, была антифашистской и общедемократической, но одновременно речь шла о том, чтобы развивать традиции революционной пролетарской литературы, обогащая их современным опытом.

Одной из важных задач «Кийла» стало планомерное ознакомление финских читателей с прогрессивными традициями мировой культуры, в том числе с культурной жизнью Советского Союза. Следует учесть, что крайне правые силы пытались тогда окружить финский народ своего рода духовной блокадой, изолировать его не только от социалистиче-

ских и леворадикальных, но даже от либерально-демократических зарубежных влияний. Со стороны правых даже раздавались призывы к полной национальной самоизоляции финской культуры. Как на совершенно казусный пример тогдашних поветрий впоследствии указывали на выступление прозаика, критика и одного из руководителей союза писателей Финляндии Эйно Райло в 1935 году, в котором содержалось такое требование: «Долой весь чужеземный литературный хлам из нашей публичной жизни — мы и в литературе должны утверждать принцип национальной самодостаточности». Националистическое узколюбие правых привело к тому, что даже внутри самой финской литературы две ее национальные ветви — финноязычная и шведоязычная — развивались тогда во взаимной изоляции, и это не было на пользу им обоим. Только после второй мировой войны положение до некоторой степени изменилось. Участились случаи взаимных переводов, стали выходить совместные антологии, финноязычная и шведоязычная литература исследуется в совместных общих работах, чего до войны не наблюдалось.

Еще в 20-е годы со страстной полемикой против националистической узости культурной жизни выступили Эльмер Диктониус и Хагар Ульссон, которой принадлежат слова: «Как националисты мы, финны, обречены мало или совсем ничего, как интернационалисты — все».

В 30-е годы эту линию продолжали левые журналы. В обращении журнала «Кирьяллисуслехти» к финским писателям (подписанном Пентти Хаанпяя, Катри Вала, Арво Туртайненем, Вильё Каява, Элви Синерво и др.) говорилось как об одной из неотложных задач о необходимости «покончить с изоляцией Финляндии от мировой литературы». Левые журналы противопоставляли национализму интернационализм, линии культурной самоизоляции — линии интенсивных связей со всеми странами, антисоветизму — непредвзятый и доброжелательный интерес к советской действительности и культурной жизни. Первые в

Финляндии статьи о Блоке, Есенине, Маяковском относятся еще к 20-м годам и принадлежат перу Х. Ульссон и О. Пааволайнена. Больше материалов о советской литературе публиковали в 30-е годы журналы «Кирьял-лисууслехти» и «Туленкантаят». Напряженность политических отношений между двумя странами мало способствовала развитию непосредственных писательских контактов, но кое-что предпринималось и в этой области. В левых журналах освещались приезды в Финляндию Веры Инбер, Бориса Пильняка, Бели Иллеша, их выступления о советской литературе. В СССР побывали в 30-е годы писатели Э. Синерво, Я. Пеннанен, О. Пааволайнен, а также известная финская актриса Э. Томпури, театральны критик Х. Куттер, профессор-медик и антрополог В. Лассила — все они потом выступали с рассказами о литературной, театральной, научной жизни в СССР.

В 1934 году в Хельсинки остановившись известный немецкий писатель-антифашист Эрнст Толлер, возвращавшийся с первого съезда советских писателей в Москве. Журнал «Туленкантаят» напечатал интервью с Толлером, рассказавшим о тяжелом положении прогрессивных писателей в Германии (только что инспирированное тогда нацистами в концлагере Ораниенбург самоубийство Эриха Мюзама, арест и смерть Карла Осепкого); одновременно Толлер поделился своими впечатлениями о московском съезде, о плодотворном развитии многонациональной советской литературы, о заботливом отношении в СССР к литературам малых народов.

До сих пор не удалось отыскать в финской печати следов пребывания Шолохова в Хельсинки в 1935 году. О приезде годом раньше Бориса Пильняка журнал «Туленкантаят» сообщал, что он приезжал с официальной миссией по налаживанию контактов между советскими и финскими писателями; речь шла о возможных взаимных переводах, в частности, советских романов, а из финской прозы — романов Ф. Э. Силланпя. Пильняк встречался и беседовал с Силланпя (в вышедшем в 1980 году втором томе «Истории издательства «Отава» помещена фотография, на которой писатели сняты вместе на даче Силланпя). Пильняк встречался также с молодым тогда еще финским прозаиком Мика Валтари. В 30-е годы Валтари не принадлежал к левым авторам, ни даже, пожалуй, к либералам. Журнал «Туленкантаят» полемизировал с ним как раз по поводу его сомнительных публичных выступлений и переводах зарубежной литературы — в этом вопросе Валтари советовал тогда соблюдать «сдержанность» и «осторожность». Но, как явствует из его более поздних признаний, советской литературой он все же интересовался еще в 20—30-е годы, читал ее в переводах на европейские языки. По характеру творчества Валтари вообще очень «литературный» писатель, многие его книги возникли, как подчеркивал он сам, в результате усиленного чтения; объяснялось это отчасти и тем, что он писал преимущественно на исторические сюжеты и без основательного чтения тут невозможно было обойтись, причем интерес для исторического романиста могли представлять самые разные книги.

В 1972 году финский автор учебной (рукописной) работы «Советская литература и Финляндия» Юсо Салокоски сослался на по-

лученное им от Валтари письмо, в котором в ответ на вопросы студента-исследователя писатель сообщил следующее: «В период между двумя мировыми войнами я ознакомился с советской литературой в основном по шведским переводам. В моей библиотеке были немецкоязычная антология «Тридцать новых прозаиков новой России» и «Конармия» Бабеля. В числе моих любимых книг были «Тринадцать трубок» Эренбурга. В начале 30-х годов в Финляндию приезжал Борис Пильняк и гостил также у меня дома. Можно сказать, что мы в Финляндии с интересом читали все, что попадалось под руку. Помнится, наш «Кружок 33» (кружок молодых писателей. — Э. К.) давал отзывы на советские книги. По прочтении «Тихого Дона» в шведском переводе я тогда сразу же порекомендовал издательству «Вернер Сёдерстрём» выпустить роман на финском языке, но финский перевод появился только после войны. Напоминаю об этом с единственной целью подчеркнуть, что советская литература вовсе не оставалась неизвестной моему поколению».

Признание интересное, но все же факт остается фактом: за весь период с 1917 по 1944 год в Финляндию было издано в финских переводах (по данным Ю. Салокоски) лишь восемнадцать художественных книг советских авторов, тогда как в один послевоенный — 1945-й — год вышло тридцать семь произведений, в основном благодаря активности левых издательств. В этой последней цифре по-своему отразилось начало новых веяний в развитии послевоенных культурных отношений.

Цифры вообще могут быть очень красноречивыми. В той же работе Ю. Салокоски упоминается о следующем факте; в пятидесятые годы из Финляндии началось массовое туристское движение в Советский Союз, главным образом в Ленинград, и к началу семидесятых годов в этих поездках бывал каждый четвертый финн. Такая массовость интереса, в том числе культурного интереса, к соседней стране, к которой еще не так давно внушалась подозрительность, свидетельствует о многом. Ибо в отличие от того, о чем писал в письме Мика Валтари относительно 20—30-х годов, это уже не любознательность лишь отдельных интеллигентов, читавших по-шведски и по-немецки и имевших возможность окольным путем, как бы «в тайне» от массового демократического читателя, ознакомиться с советской литературой, а куда более непосредственный и широкий контакт с культурой и жизнью советских людей.

В числе тех тридцати семи книг советских авторов, которые вышли в Финляндию в 1945 году, были и два шолоховских романа: «Поднятая целина» (перездание) и «Тихий Дон» в переводе Элиаса Сийппайнена. Их издало левое издательство «СМИА» в серии «Октябрь». В новом переводе, выполненном Юхани Конкка, «Тихий Дон» был в 1956 году выпущен крупным издательством «Вернер Сёдерстрём». В новом переводе Юхани Конкка в левом издательстве «Кансанкултуури» вышла в 1960 году двумя томами — первая и вторая части — «Поднятая целина» (перездания в 1966 и 1977 гг.). Общий тираж девяти финских изданий «Тихого Дона» (последнее издание в 1976 г., в серии произведений писателя — лауреатов Нобелевской премии) превысил пятьдесят тысяч экземпляров; для Финляндии это внушительная цифра, да-

же когда речь идет об изданиях мировой классики самого высокого уровня. Из финских изданий других произведений Шолохова следует упомянуть сборник рассказов (1962 г., издательство «Кирьяохтюмя», переводчик Ю. Конкка) и роман «Они сражались за Родину» (1976 г., издательство «Кансанкултуури», переводчики Улла-Лийса Хейно и Ю. Конкка).

Теперь перейду к откликам финской критики на творчество Шолохова.

Как известно, для критики Шолохов очень «нелегкий» писатель, о чем свидетельствует по-своему и опыт советского шолоховедения, особенно в отношении «Тихого Дона», гениальнейшего его творения.

Для западной критики, включая финскую, проблема восприятия и истолкования Шолохова осложняется, конечно же, еще и тем, что амплитуда идеологических «разночтений» здесь чрезвычайно велика, спекуляций и тенденциозности предостаточно. Например, в той же учебной работе Ю. Салокоски составлены «классификационные» таблицы переведенных советских книг, и если «Поднятая целина» отнесена в графу «социалистический реализм», то «Тихий Дон» в этой графе не значится, он вынесен в число идеологически «неклассифицируемых» произведений. Таблицы составил студент, но заложенная в них тенденциозность — не только его изобретение. Студенческая работа отражает весьма укоренившиеся представления в западной — и не только финской — критике. Не секрет, что книги Шолохова, как и многих других великих писателей, становятся объектом острейшей идейной борьбы, по-своему отражающей и в откликах финских рецензентов и критиков. Остановлюсь на некоторых характерных примерах, причем для лучшего их уяснения необходим хотя бы минимальный историко-литературный комментарий.

Начну с крайне правой критики, влиятельным представителем которой был В. А. Коскенниemi (1885—1962), известный в Финляндии поэт и литературовед, профессор и академик. В 1956 году Коскенниemi опубликовал в правой газете «Ууси Суоми» рецензию на только что вышедший тогда новый финский перевод «Тихого Дона», в которой сопоставил Шолохова с Львом Толстым, придав этому сопоставлению весьма специфический характер. Надо сказать, что Коскенниemi отличался длительным, по существу хроническим неприятием Толстого, и вообще его отношение к русской классике, даже к ее высочайшим вершинам, всегда было сдержанным и «конфликтным» — прежде всего по идеологическим причинам. Коскенниemi был известен своим германофильством, в русле которого формировались и его литературоведческие взгляды. Еще в начале века он испытал сильное влияние немецкой, так называемой «духовно-исторической школы» в литературоведении, связанной с именами В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Гундольфа, а в более широком, общемировоззренческом смысле — с «философией жизни», — с Ницше и Шпенглером. Германофильство Коскенниemi имело именно ницшеанско-шпенглеровскую окраску с акцентом на духовном аристократизме, на том, что и в искусстве и в жизни внимания заслуживают не массы, а лишь элитарные личности. Это вело к специфической «теории гения», согласно которой гениальный художник в своих творческих возможностях «надисторичен», а

М. А. Шолохов и президент Финляндии
У. К. Кекконен.

история только ограничивает его порывы; и вечная трагедия гениев состоит в том, что они вынуждены проявлять свою «изначальную мощь» в формах и границах их времени. Опираясь на эти идеи, Коскенниemi первый в Финляндии развернул критику традиционного позитивистского литературоведения, культурно-исторической школы Ипполита Тэна и его последователей. Причем тэновская социология искусства критиковалась им не только и даже не столько за ее упрощенность, за ее действительные слабости, сколько за то, что она была именно социологией, основывающейся на идее детерминизма. Идея общественной детерминированности искусства отвергалась сторонниками «философии жизни» как в принципе неприемлемая.

В приложении к Толстому и вообще к классическому наследию русской литературы это приводило к тому, что Коскенниemi вменял им в вину социальную страстность. Причем если сам Коскенниemi иногда и употреблял слово «социальное» в положительном смысле, то означало это для него только «охранительное», тогда как Толстой с его страстными обличениями был «антиобщественным» и «необъективным». Многие для Коскенниemi было неприемлемо в Толстом, в особенности его демократизм. В истории Толстой превозносил стихийную силу народных масс, в искусстве он провозглашал народность, считая народную оценку высшим критерием художественности; с народных позиций он отстаивал социальную справедливость. Все это внушало Коскенниemi только страх и раздражение. В статье «Лев Толстой и русская революция» (1917 г.) он говорил о «разрушительном» влиянии «мира толстовских идей», влекших за собой общественный «хаос» и «распад». Толстой представлял «опасность» не только для России, но и для «западной цивилизации», ибо он, по словам Коскенниemi, «в более без-

оговорочной форме, чем кто-либо прежде, вынес приговор европейскому культурному миру». И это было тем страшней, что сделал это Толстой с исключительной художественной силой. Разумеется, трудно было не признать в Толстом гениального художника, хотя подчас в рассуждениях Коскенниemi идеологические пристрастия оказывались сильнее эстетического вкуса. Иначе нельзя объяснить, например, такой сам по себе второстепенный, но для Коскенниemi очень показательный факт: в весьма сочувственной рецензии на финский перевод мемуарной книги белогвардейского генерала и донского атамана Краснова он поставил батальные сцены по уровню художественности в один ряд с «Войной и миром» Толстого.

Три с лишним десятилетия спустя в рецензии на «Тихий дон» Шолохова Коскенниemi вспомнил свои прежние сопоставления, но теперь спекулятивная тенденциозность преследовала уже несколько иную цель. Коскенниemi сравнивал Шолохова с Толстым по двум линиям: по уровню художественности и по степени объективности, причем если в одном отношении автор «Тихого Дона» уступал автору «Войны и мира», то в другом он, по мнению критика, превосходил его. Ни в искусстве романной композиции, ни тем более в глубине изображения характеров, писал Коскенниemi, приблизиться к Толстому Шолохову не удалось, зато «в изображении жизни казачьего общества» удалось избежать «плена односторонней идеологии». Автор рецензии на шолоховский роман вновь напомнил о том, что Толстой был для него слишком пристрастным художником. Коскенниemi писал, что в «Войне и мире» Толстой «даже несколько не скрывает своей антипатии к Наполеону и к западной цивилизации, равно как не устает воздавать хвалу добродетелям русской народной души». С другой стороны, полемически пристрастными и субъективными, продолжал Коскенниemi, были и мемуары белогвардейских генералов о событиях гражданской войны в России. К тому же эти битые генералы-мемуаристы являлись для Коскенниemi тоже своего рода «антизападниками», они «не верили в Запад и его способность «спасти» Россию». Антитеза «Запад-Восток» настолько заострялась Коскенниemi и делалось это в столь грубой форме, что на одну доску с генералами ставились и Толстой и Достоевский — все они, дескать, были «закоренелыми русскими националистами». В таком контексте утверждение Коскенниemi о «гораздо большей объективности» Шолохова-повествователя не могло быть ничем иным, кроме как грубым извращением сути вопроса.

Из других финских авторов о Шолохове писали Пекка Лоунела, Лео Линдберг, Пааво Ринтала, критики и писатели либерально-демократического направления. В их статьях (как и в статьях переводчика Ю. Конкки) тоже иногда ощутимы отголоски расхожих в западной критике спекуляций о советской литературе, но наряду с этим есть и стремление преодолеть наиболее грубые извращения.

В 1956 году в журнале «Парнас» (№ 7) рецензию на финский перевод «Тихого Дона» опубликовал Пекка Лоунела, тогда еще совсем молодой автор (он родился в 1932 г.). Рецензия была полемической, в ней доказывалась несостоятельность распространенных на Западе попыток объяснить широкую мировую

известность этого романа тем, что он якобы написан «вопреки» слишком «узким доктринам» марксистского мировоззрения. По мнению рецензента, беспристрастное чтение финского перевода (который был сделан по советскому изданию 1953 года) убеждало в том, что «Тихий Дон» — «в сильнейшей степени коммунистический эпос», его «тенденция направлена против старых порядков, против белых, и местами чрезвычайно резко». Рецензент выделял в романе те черты, которые приобщают его к большому гуманистическому искусству. Рецензия начиналась с полемического возражения тем западным критикам, которые упрекали роман за «жестокость», обилие кровавых сцен. Рецензент напомнил, что все большие эпосы, повествующие о народной борьбе и войнах, не обходятся без суровых картин — так было от Гомера до Шолохова. На войнах без крови не бывает, и причина тут не в художниках. Но от художников зависит восприятие реальности. «Настоящий художник, — писал Лоунела, — не копается в кровавых человеческих внутренностях, он сохраняет разум и тогда, когда изображаемые события ужасны». Именно этому закону гуманистического искусства следовал и Шолохов, а из финской литературы рецензент приводил примеры «Калевалы» и эпических романов Линны. Попутно упомяну, что также Пааво Ринтала в своей статье о «Тихом Доне» (журнал «Мааилма я ме», 1975, № 5) коснулся вопроса о «жестокости» и заметил: «Гражданская война беспощадна. Нам, финнам, наш собственный опыт помогает понять, что Шолохов вовсе не хочет изображать жестокость ради жестокости».

Учитывая нагромождение домыслов и критической путаницы вокруг романа Шолохова, следует признать весьма здравым в рецензии Лоунелы и следующее его суждение. Оно касается образов двух антиподов — Митьки Коршунова и Михаила Кошевого. В ряде эпизодов романа оба они охвачены чувством мести, хотя и по разным причинам. Рецензент писал в связи с этим: «У них есть свои личные поводы для мести, но жажда уничтожения толкает их в заколдованный круг, и единственный итог — умножение ненависти. Шолохов против ненависти: то, что лишь умножает ненависть, есть зло, будь то у белых или у красных. Писательская позиция ясна: царские порядки изжили себя, белые в любом случае исповедуют образ мысли, от которого огромному большинству народа достанется только зло. Писатель критичен и по отношению к методам действий коммунистов в их управлении казаками, но все же у красных он видит больше здорового начала, сознательного стремления к положительной цели, возможностей к духовному росту».

В финской критике это были актуальные и полезные суждения, они помогали читателям глубже воспринимать не только шолоховские романы, но и другие произведения советской литературы, посвященные процессам революционного обновления жизни.

Касаюсь обсуждавшегося в западной печати в середине пятидесятых годов вопроса о возможном присуждении Шолохову Нобелевской премии, Лоунела в рецензии назвал медлительность Шведской Академии «близорукой» и иронически добавил: «Впрочем, от Шведской Академии мы уже привыкли ожидать одних лишь ошибок». Когда в 1965 году

Нобелевская премия была присуждена Шолохову, финская печать встретила это решение с удовлетворением.

В 1961 году редакция журнала «Парнас» выпустила специальный номер (третий), посвященный теме «Гражданская война и литература». К тому времени эта тема приобрела в финской литературе особую актуальность. Успели выйти в свет первые два тома трилогии Вяйне Линны «Здесь под северной звездой», причем второй том был посвящен как раз событиям гражданской войны 1918 года в Финляндии и вызвал необычайно широкую волну откликов во всей финской печати. В том же номере «Парнас» была напечатана глава из романа Пааво Ринталы «Бабушка и Маннергейм», повествующая о тех же событиях. Номер также включал начальные страницы из рукописи романа Ф. Э. Силлалля «Праведная бедность» (1919), в свое время не вошедшие в канонический текст, — роман этот по праву считается первым классическим произведением о финском 1918 году. О романе Силлалля хорошо сказал Пааво Ринтала: в трудные для финского народа годы, когда предосудительным считалось даже вспоминать о поверженных в 1918 году красногвардейцах, этот роман своим гуманизмом «будил и пестовал нашу общественную и политическую совесть». И кроме того, в номере «Парнас» была обзорная статья Лео Линдеберга, начинавшаяся с характерного утверждения жизненной важности избранной журналом темы. Автор напоминал, что детство многих людей тогдашнего среднего поколения совпало с гражданскими войнами — в России, Финляндии, Германии, Венгрии; затем была гражданская война в Испании, всколыхнувшая мировую общественность; ко времени написания статьи горячими были события на Кубе, в освободительную борьбу включались новые народы, и автор статьи был убежден, что так будет и впредь. Ходом самой истории обосновывался тезис о закономерности появления в литературе романов на эту тему. Автор обозревал наиболее значительные из них, и в их число входили «Тихий Дон» Шолохова и «Хождение по мукам» Алексея Толстого; об этих произведениях в статье говорилось подробнее, они сопоставлялись с романом Вяйне Линны. Выше уже упоминалось, что с Линной сравнивал Шолохова еще Лоунела. Критики находили у них нечто общее не только в родственности темы гражданской войны, но и в повествовательном стиле, хотя отмечались и различия. Оба писателя изображали революционные процессы в преломлении через крестьянскую среду, оба были эпиками, в то же время не избегавшими острейших ситуаций и драматичнейших коллизий. Можно еще добавить, что и Шолохов и Линна очень чутки к народной речи — в этом смысле Линна своими романами произвел настоящий переворот в послевоенной финской прозе, «приохотив» многих писателей к современному народному языку, научив их слушать этот

язык. Линна, надо полагать, еще до работы над своей трилогией был знаком с «Тихим Доном», и, кроме того, у обоих эпиков был один общий учитель — Лев Толстой.

О преемственных связях шолоховской прозы с Толстым писалось немало в советской критике, отчасти также в Финляндии. В упомянутой своей статье Пааво Ринтала высказал следующую мысль: «До революции великая русская проза шла рука об руку с гражданской совестью эпохи. Шолоховский «Тихий Дон» был написан в 1928—1940 гг., и тем не менее он примыкает к традициям великой русской эпике, может быть, более органично, чем какой-либо другой большой советский роман. Шолоховский способ живописать время и людей с их надеждами знаком нам уже по «Войне и миру» Толстого. <...> У Толстого была своя философия истории, которой он следовал, изображая нашествие Наполеона в Россию. У Шолохова более суровое видение: там, где Толстой сам обращается к нам, Шолохов предоставляет право говорить пронесшимся над тихим Доном событиям». Статья Ринталы заканчивалась следующим образом: «Часто говорят, что великие эпосы не воспроизводят действительность, а сами творят ее. Михаил Кошевой в шолоховском эпосе является одним из убежденнейших сторонников Советской власти. В то самое время, когда Шолохов писал первую часть своего романа, на Дону родился мальчик по имени Олег Кошевой. Слово сама действительность пожелала последовать за романом — Олег Кошевой стал во время Великой Отечественной войны советского народа руководителем подпольной организации «Молодая гвардия», сражавшейся против немецких оккупантов».

Что касается Вяйне Линны, то он неоднократно сам говорил о большом значении Толстого для его творческого развития.

Небезынтересно отметить, что Линна и Шолохов лично встречались, хотя содержание их беседы в печати не освещалось.

Из финских писателей в продолжительной дружбе с Шолоховым был Мартти Ларни. Его словами из опубликованного в газете «Правда» отклика на кончину Шолохова и хочу завершить статью. Мартти Ларни сказал: «Связывавшие нас узы тесной 30-летней дружбы крепили во время встреч в Хельсинки и станции Вешенской. Беседы с Шолоховым — писателем, мудрым человеком — оставили неизгладимый след в моей памяти. Для него ничто человеческое не было чуждо. Он обладал талантом чувствовать, проникать в глубины человеческой души. Он имел мужество отстаивать правду жизни, казалось ли это личности или же общества в целом. В его выдающихся произведениях, вошедших в золотой фонд мировой литературы, создана целая галерея образов, панорама русской жизни, вскрыты пласты ее исторических вех. Память о нем, ярком, гениальном художнике слова, будет жить вечно».